Сторожук А. Г.
(Санкт-Петербургский государственный университет, Россия; a.storozhuk@spbu.ru)

ЛИТЕРАТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ ПУ СУНЛИНА И ЕГО ПЕРЕВОДЫ НА РУССКИЙ ЯЗЫК

Аннотация: Говоря о вкладе Пу Сунлина (蒲松龄, 1640–1715) в китайскую литературу, обычно вспоминают его новеллы о лисах-оборотнях и прочих чудесах, известные как «Странные истории из Кабинета Неудачника» («Ляо Чжай чжи и», 聊齋誌異). Чаще всего общие рассуждения на этом заканчиваются, и основное внимание сосредотачивается на особенностях писательского стиля и скрытых политических и социальных намеках, поскольку большинство сюжетов «Ляо Чжая» признаются неоригинальными и зачастую заимствованными в анналах литературной традиции прошлого. Таким образом, два наиболее популярных суждения состоят в том, что, во-первых, «Ляо Чжай» — это и есть все литературное наследие автора, а во-вторых, сами произведения с точки зрения оригинальности второстепенны, поскольку основаны на заимствованиях из прошлого и перекроены с целью высмеять социальные и политические язвы современного писателю общества. Главная цель этой статьи заключается в том, чтобы подвергнуть сомнению оба утверждения и показать богатство и разнообразие жанров и тем в творчестве Пу Сунлина, а также выявить основы необыкновенной притягательности этих текстов для читателей, сохраняющейся на протяжении более 300 лет. Другой целью настоящей работы является краткий обзор переводов Пу Сунлина на русский язык и их влияния на современную русскую прозу. Главный упор здесь делается на сложности, с которыми неминуемо сталкивается переводчик, на проблему поиска оптимальной формы воссоздания особенностей оригинала. Поскольку Пу Сунлин писал на классическом китайском языке (*вэньяне*), также анализируется мастерство писателя в передаче нюансов речевой стилистики, включая и самое незамысловатое просторечие.

Ключевые слова: Пу Сунлин, Ляо Чжай, китайская классическая проза, фантастические новеллы, история и теория перевода.

Storozhuk Alexander
(St. Petersburg State University, Russia; a.storozhuk@spbu.ru)

PU SONGLING'S LITERARY HERITAGE AND ITS TRANSLATIONS INTO RUSSIAN

Abstract: While speaking of Pu Songling's (1640–1715) impact on the Chinese literature one can't help mentioning his short stories about fox turnskins and other wonders, known in English as *Strange Tales from the Chinese Studio* (*Liao Zhai zhi yi*). Commonly here the general survey concludes, and the main efforts are directed to analysis of the author's pencraft and concealed political implications, since most of the plots are believed to be not original but adopted from earlier oeuvre. Thus the two major implied notions can be worded in the following fashion: 1) *Strange Tales* are the only work by Pu Songling to be mentioned and 2) they happen to be quite a secondary piece of literature based on borrowed stories and twisted about to serve the new main objective — mockery on social and political routine of the author's present. The chief idea of the article is to cast a doubt on both of these notions and to show diversity and richness of Pu Songling's genres and subjects as well as finding out the basis of these texts' attractiveness for readers for more than 300 years. The other goal of the paper is to give

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2021

https://doi.org/10.21638/11701/9785288062049.06

a short overview of Pu Songling's translations into Russian and their influence on the literary tradition of modern Russian prose. The main focus is put on the difficulties any translator is to face, on the quest for the optimal form of reproduction of the original's peculiarities. Since the language of Pu Songling's stories is Classical Chinese (*wenyan*), the author's mastership in reproduction of different speech styles including common vernacular is also to be mentioned and analyzed.

Keywords: Pu Songling, Liao Zhai, classical Chinese prose, fantastic short stories, history and theory of translation.

Сегодня имя Пу Сунлина (蒲松龄, 1640–1715) широко известно не только любителям классической прозы, но, пожалуй, абсолютно всем в Китае — огромное количество популярных переложений, пьес по мотивам, экранизаций его произведений, а также фильмов и сериалов, чрезвычайно далеких от первоисточника, но все равно упоминающих Пу Сунлина в титрах и на афишах, самые различные образцы массовой культуры и цифровой индустрии привели к тому, что имя этого человека невозможно не знать. Равно как и невозможно обойти стереотип, намертво связывающий Пу Сунлина и тему литературного описания лис-оборотней и только их. Более детальное знакомство с творчеством писателя — удел узкого круга знатоков словесности, а размышления о глубинных смыслах его произведений нечасто встречаются и среди специалистов. Самым распространенным является суждение, что, используя наработки прошлых эпох, прежде всего традицию танских новелл, Пу Сунлин связывает классические сюжеты с современностью, вкладывая в них собственный жизненный опыт и элементы сатиры. Так пишут и китайские исследователи (например, [1, т. 1, с. 1.]); подобный настрой встречается и в целом ряде отечественных работ (например, [2]). В обширных и прекрасно подготовленных собраниях материалов по творчеству Пу Сунлина имеются даже особые разделы, где помещены произведения предшественников, которые, как полагают авторы, писатель использовал при создании своих новелл (см., напр., [3, с. 1—330]). В то же время сам Пу Сунлин представляется то любителем фольклора, ставящим столик с трубками и чашками чая и приглашающим всех желающих рассказывать ему об удивительном [2, с. 113], не преуспевшим на государственной службе, но прославившимся изысканностью стиля; то социальным обличителем, борцом с «общественным мнением конфуцианской ученой среды» [4, с. 18]. При этом даже общественный статус писателя зачастую трактуется совершенно по-разному: так, в авторитетном издании по истории литературы 2013 г. утверждается, что он имел степень *сюцая*[1] [5, т. 4, с. 291], в то время как подавляющее большинство работ говорит о том, что ученой степени у писателя не было. Не меньше дискуссий возникает по вопросу первого выхода в свет его произведений, о литературном разнообразии и целом ряде других проблем, весьма затрудняющих понимание этого

[1] *Сюцай* (秀才) — обиходное название *шэнъюаня* (生員), первой степени в системе государственных экзаменов *кэцзюй*.

литературного и культурного феномена в контексте традиционной китайской и современной отечественной словесности. Поэтому правильным представляется сделать шаг к обобщению имеющихся на сегодня сведений о творчестве Пу Сунлина и переводов его произведений на русский язык, не претендующий на полноту, но задающий вектор нового осмысления многих связанных с этим писателем исторических и литературных реалий.

Пу Сунлин, второе имя — Люсянь (留仙, Задержавшийся бессмертный; в сочетании с первым именем это дает выражение *сун лин лю сянь* (松龄留仙), Задержавшийся бессмертный безмерного долголетия), еще одно второе имя — Цзяньчэнь (劍臣, Служащий [трону] мечом), прозвание — Лю-цюань-цзюйши (柳泉居士, Отшельник Ивового потока), а также, по созданному им литературному собранию, он назывался и Ляо Чжаем (聊齋, [Хозяин] Кабинета Неудачника). Само слово *ляо* (聊) в данном сочетании восходит не к обиходному «судачить, говорить о пустом» (ср. *ляо-тянь,* 聊天), как почему-то стали полагать позже за пределами Китая (ср. «Strange Stories from the Lodge of Leisures» [6]), но от классического четырехсловного сочетания *ляо шэн юй у* (聊勝於無, букв. «Лучше уж что-то, чем вовсе ничего»). То есть в данном контексте слово *ляо* значит «кое-как», «лишь бы как», поэтому и в переводе этого словосочетания, предложенном академиком В. М. Алексеевым (1881–1951), прижился вариант «Кабинет Неудачника».

Пу Сунлин родился 16 числа 4 луны 1640 г. (на 13 год правления под девизом Чунчжэнь 崇禎 (1627–1644) последнего минского императора Чжу Юцзяня (朱由檢 (1611–1644)) в час собаки[2] (戌) [7, т. 3, с. 3356]. Родился он в округе Цзычуань (淄川) провинции Шаньдун, к востоку от окружного центра, в деревне Пуцзячжуан (蒲家莊). В ту пору деревня именовалась Маньцзин (滿井, Полный колодец) по находившемуся в ее восточной части полноводному колодцу, в котором вода то и дело скапливалась столь обильно, что перебегала через край и лилась ручьями. Ивы и ясени разрослись по течению этих ручьев в большом изобилии, поэтому и сам колодец стали называть Люцюань (柳泉, Ивовый источник) [7, т. 3, с. 3355]. Род Пу обосновался здесь еще в правление Юань (1271–1368); тогда деревня называлась Баньян (般陽). К концу Мин после различных перипетий многие жители деревни сменили фамилии на Пу, и вслед за тем сменилось и название самого села — оно стало называться Пуцзячжуан, Деревня семейства Пу [Там же].

Прапрадед писателя Пу Шигуан (蒲世廣) был уездным казеннокоштным студентом *линшэном* (廩生), то есть существовал на официальную стипендию от правительства [8, с. 1]. Прадед Пу Цзифан (蒲繼芳) был *сяншэном* (庠生), то есть учился в областной школе. Отец Пу Пань (蒲槃) вынужден был сочетать ученые занятия с обыденными трудами, чтобы прокормить семью. В сорокалетнем возрасте он еще не имел детей, но впоследствии обзавелся-таки потомством: от жены и двух наложниц у него было четыре сына и дочь. Пу Сунлин был третьим из сыновей [7, т. 3, с. 3356] и четвертым по старшинству [8, с. 2].

[2] То есть с 7 до 9 часов вечера.

В пятом месяце 1640 г., когда родился писатель, настала сильнейшая засуха, приведшая к страшному голоду, такому, что объели всю кору на деревьях, случалось людоедство [7, т. 3, с. 3356] и оголодавший народ раскапывал останки, чтобы насытиться [8, с. 2]. Голод, особо свирепствовавший в Шэньси, стал причиной крестьянского восстания, переросшего в огромную по масштабу крестьянскую войну, возглавленную Ли Цзы-чэном (李自成, 1605–1645). В 1644 г. отряды восставших заняли столицу, последний минский император Чжу Юцзянь покончил с собой в парке Цзиншань (景山), генерал У Саньгуй (吳三桂, 1612–1678) через Шаньхайгуаньскую заставу (山海關) впустил маньчжурские войска, и на севере страны, а впоследствии и в южных областях, воцарилось правление провозглашенной в 1636 г. династии Цин (清).

Детство писателя прошло в обстановке непрекращающихся войн, восстаний (например, восстание Се Цяня, 謝遷 (1598–1649), поднятое в Шаньдуне — родной провинции писателя — в 1646 г. и длившееся до 1649 г., когда оно было подавлено; штаб восставших находился как раз в округе Цзычуань). Родители Пу Сунлина потеряли все свои сбережения, да и самые средства к существованию. В 1651 г., когда мальчику было всего 11 лет (по китайскому традиционному исчислению — 12), умирает его отец [8, с. 7]. Как удача был воспринят договор с Лю Годином (劉國鼎), влиятельным цзычуаньским книжником, согласившимся просватать за Пу Сунлина свою вторую дочь.

Будущая супруга писателя Лю Жужэнь (劉孺人) родилась в 1643 г., 26 числа 11 луны в час обезьяны[3] (申) [7, т. 3, с. 3357]. В 1655 г. она по договоренности родителей переехала в дом будущего мужа [8, с. 8], а через два года, в 1657 г., молодые люди поженились [7, т. 3, с. 3364]. У них родилось четверо сыновей — Пу Жоюй (蒲箬於, р. 1662), Пу Чи (蒲篪, р. 1672), Пу Ху (蒲笏, р. 1675), Пу Юнь (蒲筠, р. 1677) — и дочь. Они счастливо жили вместе более 50 лет. Лю Жужэнь скончалась в 1713 г. [7, т. 3, с. 3427]. Писатель тяжело переживал утрату, посвятив любимой супруге целый ряд поэтических произведений. Сам он прожил немногим больше: в 1715 г., 22 числа 1 луны Пу Сунлин умер, сидя у окна. В третьем месяце того же года он был погребен в могиле Лю Жужэнь [7, т. 3, с. 3429].

Пу Сунлин неоднократно предпринимал попытки сдать государственные экзамены, но они так и не увенчались успехом. Он прекрасно проходит уездные, окружные и волостные испытания на статус «действительного студента» в 1658 г., но последующее участие — в 1660, 1663, 1672, 1675 гг. — в экзаменах на ученую степень и чиновничий пост ничего не дает. Только в весьма почтенном возрасте, в 1710 г. [9, т. 1, с. 6] (по другим сведениям — в 1711 г. [7, т. 3, с. 3420]) Пу Сунлин получает статус *суйгуншэна* (歲貢生), то есть «годами наиболее заслуженного из студентов», рекомендованного к поступлению в государственное училище Гоцзыцзянь (國子監); о таких студентах лично сообщалось государю. Но желанного продвижения по службе это уже не принесло.

[3] То есть с 3 до 5 часов дня.

Будучи официальным студентом, Пу Сунлин имеет, пусть и весьма скромные, средства к существованию, вдобавок зарабатывает уроками вплоть до весьма почтенного возраста — только в 1709 г. писатель отходит от частного преподавания как основного своего дела [7, т. 3, с. 3420] (по другим источникам, это происходит в 1710 г. [9, т. 1, с. 6]). К этому времени большая часть произведений, прославивших его впоследствии, уже написана.

Наследие Пу Сунлина, конечно же, никак не ограничивается «Странными историями из Кабинета Неудачника». Он автор многих поэтических произведений самых разных жанров и стилей, эссе и памятных надписей, сочинений в области истории, народной астрологии и медицины, сельского хозяйства, более десятка пьес, в первую очередь в жанре подражания фольклорным сказовым формам — *лицюй* (俚曲) и *гуцы* (鼓詞) (например, «Пир на Пэнлае» (蓬萊宴), «Зажиточный бессмертный» (富貴神仙) и целого ряда других); если *гуцы* — монологические тексты, то *лицюй* зачастую предполагают наличие целого ряда исполнителей, декламирующих, поющих и разыгрывающих на сцене длительные действа на много актов. Тексты эти писались на разговорном языке, более того — на шаньдунском диалекте, и существует отдельный список диалектных слов, без перевода которых эти произведения жителям других областей Китая понять невозможно [7, т. 3, с. 3275–3287]. Сохранились также принадлежащие кисти Пу Сунлина прозопоэтические произведения *фу* и целый свод афоризмов; Пу Сунлину приписывают и авторство «Повествования о брачных узах, мир пробуждающих» (醒世姻緣傳), романа в ста главах (общим объемом около миллиона иероглифов), в котором рассказывается об истории одной семьи на протяжении трехсот лет, о перипетиях героев, связанных с их прошлыми рождениями, воплощениями в виде лис, и других необычных событиях, вполне в духе «Ляо Чжая». Роман вышел под авторством некоего Си Чжоушэна (西周生), уроженца Шаньдуна, и, например, Лю Дацзе, один из крупнейших историков китайской литературы, не сомневается, что под этим псевдонимом скрывался именно Пу Сунлин; в одном издании своей «Истории развития китайской литературы» он предполагает это обстоятельство, ссылаясь на молву [10, т. 3, с. 308–311], в другом же говорит об авторстве Пу Сунлина как о доказанном факте [11, т. 2, с. 596–597]. Более того, во втором издании вся статья о Пу Сунлине с самого начала до конца подчинена идее о том, что именно «Повествование…», а не что-то другое, является важнейшим и наиболее ценным во всем творчестве писателя. Впрочем, по этому вопросу до сих пор нет единого устоявшегося мнения, и в трехтомное «Полное собрание произведений Пу Сунлина» этот роман не вошел.

Таким образом, особенно если учесть многочисленные постановки пьес самого писателя и созданных позже по мотивам его произведений, становится понятным, что слава этого многогранного таланта держится далеко не на одном только собрании рассказов о чудесах; тем не менее исторически «Странные истории из Кабинета Неудачника» оказываются наиболее яркими и востребованными образцами его творчества.

Это собрание текстов стоит особняком уже оттого, что, очевидно, окончательного замысла его создания у Пу Сунлина так и не появилось. В некоторой степени процесс творчества был здесь подобен тому, как танский поэт Чэнь Цзыан (陳子昂, 661–702) некогда создавал свой знаменитый поэтический цикл «Потрясен встречей» (感遇), — он просто писал обо всем, что вызывало необыкновенные сильные душевные движения, не объединяя стихи тематически или стилистически, но помещая их в цикл только по одному этому принципу — силе душевного переживания, породившего идею написать то или иное стихотворение. Поэтому цикл «Потрясен встречей» не мыслился композиционно или идейно завершенным. Так же, видимо, происходило и со «Странными историями» Пу Сунлина, хотя в «Предисловии» 1679 г. сам писатель говорит, что, подобно Гань Бао (幹寶, IV в.), любит истории «о поисках духов» и, подобно Су Ши (蘇軾, 1037–1101), радуется рассказам о бесах, и так, записывая их, и создал книгу [9, т. 1, с. 2]. В собрании, конечно, есть и крупные произведения, подробно повествующие о необыкновенных приключениях небожителей, попавших в мир людей (например, «Прокурор Лу» (陸判), «Не Сяоцянь» (聶小倩) и многие другие), но есть и краткие зарисовки бытового характера, дополненные философскими замечаниями или аллегориями («Землетрясение» (地震), «Праведная мышь» (義鼠) и пр.), есть рассказы об эксцентричных чудаках или жизненных курьезах, иногда весьма фривольного характера («Змеиное пристрастие» (蛇癖), «Цзинь Шичэн» (金世成), «Собачий блуд» (犬姦) и др.), а есть и детективные истории о судебных расследованиях («Приговор на основании стихов» (詩讞), «Тайюаньское дело» (太原獄) и т. п.); то есть корпус данного свода вовсе не представляет собой коллекцию быличек исключительно о духах и призраках. Лисы, ожившие мертвецы или опасные инфернальные чудища, безусловно, частые гости на страницах этих новелл, но как главные герои истории, воплощающей принцип «рассказа о том, что взволновало душу», они здесь на равных правах с пережившими бедствие жителями Шаньдуна, странно ведущими себя под действием потрясения («Землетрясение» (地震)) или со странствующим артистом, который воспитал двух огромных змей и подружился с ними («Заклинатель», (蛇人)). Другими словами, то, что некогда оставило в сердце след, и становится темой произведений, именно поэтому их невозможно объединить ни по общим типам героев, ни по схожести сюжетных ходов. Вероятнее всего, новеллы эти продолжали появляться на протяжении всей активной литературной деятельности Пу Сунлина, вплоть до самой кончины. Впрочем, здесь существует вполне аргументированное суждение, что весь текст «Странных историй» был закончен к 1679 г.: именно этим временем датируется авторское предисловие к собранию. Профессор Фан Мин в своей четырехтомной «Истории китайской литературы» также считает, что это говорит в пользу завершения работы [5, т. 4, с. 293]; полагают это и другие специалисты (например, [7, т. 3, с. 3383], правда, замечая, что отдельные новеллы все же писались и позже [8, с. 28]. Вместе с тем количество поздних текстов, которые продолжали обнаруживать вплоть до XX в., и отсутствие прижизненных полных публикаций «Странных историй» заставляют усомниться

в незыблемости таких выводов; это подтверждается и мнением одного из самых крупных исследователей и комментаторов «Ляо Чжая» XX в. Чжан Юхэ [12, т. 1, с. 18]. Вероятнее всего, рукописный свод, собранный для друзей, предполагал авторское введение, которое и было написано в 1679 г. Тем не менее ни при жизни, ни долгое время после смерти писателя не имелось даже четкой структуры собрания, поскольку публиковались эти рассказы в различной последовательности и объединялись в разное количество *цзюаней*. Так, рукописные своды «Ляо Чжая» (создававшиеся до 60-х гг. XVIII в.) имели совсем другую структуру, чем созданные впоследствии: например, сборник, обнаруженный в 1962 г. в Шаньдуне, состоял из 24 *цзюаней* [9, т. 1, с. 10], имелось более позднее шестицзюаневое рукописное собрание, известное как «История удивительного» (異史); а первое ксилографическое издание «Странных рассказов», вышедшее в 1766 г. из печатни, впоследствии названной Цинкэтин (青柯亭) в городке Цзяньдэ (建德) близ Ханчжоу в провинции Чжэцзян, составленное и вырезанное на досках лично Чжао Цигао (趙起杲), состояло из 16 *цзюаней*, каждый размещался в отдельной сшитой тетради — томе. Подобную структуру имели и многие более поздние сборники XIX в. (например, издание 1883 г. «Странные истории из Кабинета Неудачника с красными пометами и комментариями» (硃批增註聊齋志異)), и ряд других, особенно «Иллюстрированные издания Странных историй из Кабинета Неудачника» (聊齋志異圖詠). В конце Цин эти своды, сохраняя 16-цзюаневую структуру, стали печататься в меньшем количестве тетрадей — от восьми (например, издание 1907 г.) до трех, — и эта традиция сохраняется в годы гоминьдановского правления. Одновременно существуют и 12-цзюаневые своды, также возникшие при Цин, поскольку в них было «выбрано все наилучшее и переупорядочено в 12 свитков» («Предисловие к вырезанному в Цин[кэтине] изданию Странных историй из Кабинета Неудачника» (青本刻聊齋志異例言)) [12, т. 1, 28]. Именно эту структуру берет за основу в XX в. Чжан Юхэ. Сегодня при описании рассказов «Ляо Чжая» общепринятым считают именно 12-цзюаневый вариант[4]; не только количество *цзюаней*, но и компоновка новелл в нем весьма заметно отличается от свода 1679 г., не говоря о том, что в XX в. был добавлен целый ряд произведений, и тем более комментариев, а сами тексты выверены на предмет разночтений. Общее количество произведений, представленных в современных вариантах «Странных историй» — 498, включая «Предисловие». Цифры, которые зачастую фигурируют в различных справочных материалах, могут несколько отличаться как раз за счет того, что не учитываются поздние привнесения.

Таким образом, как уже было сказано, единой четкой структуры собрания, намеченной самим Пу Сунлином, не существовало, что еще раз подтверждает

[4] Наиболее полными и авторитетными изданиями полного свода «Странных историй», кроме названного сборника под редакцией Чжан Юхэ, на сегодняшний день являются четырехтомник под редакцией Жэнь Дусина [13] и недавний труд с комментариями Юй Тяньчи [9]. Наиболее полное собрание всего наследия Пу Сунлина — солиднейшая антология под редакцией Шэн Вэя [7].

выдвинутый выше тезис о спонтанности и отсутствии временных рамок в написании новелл. Равным образом нет и единого пафоса «Странных историй». Безусловно, в творчестве Пу Сунлина встречаются произведения резко социального звучания; есть и те, где обличаются пороки традиционной экзаменационной системы (например, «Песнь о районе Лися с предисловием» (曆下吟並序)). В «Странных историях» подобные мотивы также можно найти, но это далеко не самоцель, и далеко не все новеллы, и даже не большинство, социально обличительны. В повествованиях о тяготах экзаменационной системы *кэцзюй* зачастую никакого вызова нет вообще: например, уже упоминавшийся «Прокурор Лу» или даже новелла «Студент Е» (葉生) посвящены скорее не обличению системы, а воспеванию дружбы и преданности, о чем, в частности, и говорится в послесловии к последней. Вместе с тем социальный подтекст, который читается в ряде новелл или возникает в кратком авторском резюме, завершающем произведение, порой весьма откровенен: так, в новелле «У-тун» (五通) о бедах общества говорится открыто — новелла завершается словами: «Автор этих строк добавит: У-тун ли, лягушка ли — они смущают нравы уже давно, но, коли потакать распутству высших должностей, то никто о своем мнении и не пикнет. Студент Вань — воистину отрада всей Поднебесной («Ляо Чжай чжи и» (聊齋誌異, «Странные истории из Кабинета Неудачника»), *цзюань* 10) [12, т. 4, с. 1420]. В рассказе «Три жизни» (三生) послесловие начинается так: «Мохнатая да рогатая братия — а есть и меж ними князья да вельможи. А коли так это, то и среди князей да вельмож и в самом деле не то, чтобы не бывало мохнатых да рогатых» («Ляо Чжай чжи и» (聊齋誌異, «Странные истории из Кабинета Неудачника»), *цзюань* 1) — [12, т. 1, с. 74]. Но нельзя не признать, что в подавляющей части текстов ничего подобного не обнаруживается. Неубедительным будет и поиск общего глубоко мистического пафоса, основанного на декларированной самим Пу Сунлином любви к «рассказам о бесах»: значительная часть новелл не содержит и намека на истории о призраках и оборотнях. Уже упоминавшееся выше «Землетрясение» повествует о необычном поведении людей в минуту сильного переполоха, а рассказ «Большая морская рыба» (海大魚) — об огромных океанских обитателях, которых видели у побережья накануне праздника Цинмин. «Рубит удава» (斫蟒) — история о столкновении лесорубов с гигантским питоном и о силе братских чувств, а «Искусство “Железной рубахи”» (鐵布衫法) — о мастере жестких стилей *цигуна*. Подобного рода тексты весьма многочисленны; но, когда речь идет даже об описаниях различных инфернальных сущностей, их подчас никак не назовешь собственно мистическими. Если в комментариях цинского времени к ряду новелл можно прочесть что-нибудь вроде: «Глубокой ночью дочитай до этого места — а на бумаге-то тени от тусклой лампы! — и аж волосы на голове и теле чащей вздыбятся!» (комментарий Фэн Чжэньлуаня[5] к новелле «Оживший труп» (尸變), «Ляо Чжай чжи и» (聊齋誌異, «Странные истории

[5] Фэн Чжэньлуань (馮鎮巒, 1760–1830) — цинский эрудит, известный комментатор «Ляо Чжая».

из Кабинета Неудачника»), *цзюань* 1) [12, т. 1, с. 5], и подобное суждение кажется совершенно справедливым — столь живо и грозно живописуются там ужасы, творимые выходцами из могил — то в целом ряде рассказов мистика упоминается вскользь и никак ни на сюжет, ни на идею произведения не влияет. Например, «Чжэньдинская барышня» (真定女) — грустная и совершенно повседневная история маленькой девочки, взятой в дом мужа «на призрение» и в малолетстве забеременевшей от будущего супруга. Мистического здесь разве что комментарий цинского эрудита, *цзиньши* Дань Минлуня (但明倫, 1782–1855), назвавшего описанную ситуацию «мистически диковинной» (комментарий Дань Минлуна к новелле «Чжэньдинская барышня», «Ляо Чжай чжи и» (聊齋誌異, «Странные истории из Кабинета Неудачника»), *цзюань* 1) [12, т. 1, с. 78]. А в рассказе «Сорок связок по тысяче» (四十千) унылая бытовая история о смерти во младенчестве сына слуги военного министра соотносится с увиденным во сне якобы пророчеством, но кроме единичного упоминания о нем мистическая линия никак больше не обыгрывается. То есть и мистика, и социальная сатира, и неприятие многих аспектов экзаменационной системы, и любые другие идеи, встречающиеся в новеллах Пу Сунлина, могут быть объединены в некое непротиворечивое целое, только если принять сформулированный выше тезис о живописании «разбередившего душу» как главной причине создания каждого рассказа, и общим пафосом сборника можно считать лишь это обстоятельство.

Вполне вероятно, что такой подход может объяснить и одну из причин удивительной популярности «Странных историй»: несмотря на целый ряд антологий подобной тематики («О чем не говорил Конфуций» (子不語) Юань Мэя (袁枚, 1716–1798); «Колокольчик насмешника» (諧鐸) Шэнь Цифэна (沈起鳳, 1741–?); «Записи ночных бесед» (夜譚隨錄) Хэ Банъэ (和邦額, 1736-?); «Записи при лампе дождливой осенней ночью» (夜雨秋燈錄) Сюань Дина (宣鼎, 1832–1880) и многих других), именно свод Пу Сунлина по востребованности и признанию уверенно держит приоритет. Рассуждения о том, какие из сборников тематически или художественно ближе, какие стилистически сильнее отличаются, интересны (см, напр., [10, т. 3, с. 309]), но не раскрывают причин именно этой совершенно беспрецедентной популярности; подкупающая живость душевного отклика писателя и сопереживание ей в читательских массах как раз может быть ответом на этот вопрос.

Подлинность писательской увлеченности каждым из неоднородных сюжетов «Странных историй» дает возможность объяснить не только уравновешенность текстов совершенно различной тематики и направленности в одном корпусе, но и понять непротиворечивость подхода, при котором автор одновременно обращается к оригинальным фабулам и прибегает к литературным заимствованиям у предшественников.

Тема сюжетных заимствований у Пу Сунлина вполне достойна отдельных и серьезных изысканий, но некоторые моменты совершенно очевидны.

Не всегда обращение к тематике того или иного классического произведения означает прямое или косвенное заимствование. Так, например, рассказ

«Студент Е» и танская новелла «Записи о душе, покинувшей тело» (離魂記) Чэнь Сюанью (陳玄祐, кон. VIII в.), хоть последняя и рассматривается как основа для написания первого [3, с. 33–34], с точки зрения сюжета не имеют совершенно ничего общего, кроме представлений о том, что душа может отделиться от тела. Но рассказов о покинувшей тело душе в литературе Шести династий и в танском наследии великое множество («Вэй Тинсюнь» (衛庭訓) из сборника «Цзи и цзи» (集異記, «Записи о собранном удивительном»); «Чоу Цзяфу» (仇嘉福) из сборника «Гуан и цзи» (廣異記, «Обширные записи об удивительном»); «Пан А» (龐阿) из сборника «Юминлу» (幽明錄, «Записи о тайном и открытом»); «Дочка господина Чжэна» (鄭氏女, «Чжэн ши нюй») из сборника «Сюань ши чжи» (宣室志, «Записи из зала Сюаньши») и целый ряд других), и прямых аналогий ни с какими из них не прослеживается.

Иногда заимствования не вызывают сомнения: например, рассказ «Продолжение [истории о каше из] проса» (續黃粱, в переводе В. М. Алексеева — «Пока варилась каша (продолжение старой истории)») — совершенно явный парафраз на новеллу Шэнь Цзицзи (沈既濟, 750?–800) «Записи о случившемся в изголовье» (枕中記) и, в меньшей степени, на новеллу «Ду Цзычунь» (杜子春) из сборника Ли Фуяня (李復言, VIII–IX вв.) «Сюй Сюаньгуай лу» (續玄怪錄, «Продолжение записей о таинственном и удивительном»). Такие заимствования вовсе не маскируются, но, наоборот, подчеркиваются, чтобы яснее стала авторская художественная идея, выраженная в смещении акцентов, в дополнениях и привнесениях, что можно понять только при сравнении текста из «Странных историй» с оригинальным прототипом.

Но обращение к сюжетам предшественников, как уже говорилось, отнюдь не является основой или же часто используемым ходом в «Странных историях». Большинство сюжетов автор черпает либо из собственного опыта (следует учесть, что Пу Сунлин великолепно знал легенды и суеверия родного уезда, будучи теснейшим образом связанным с шаньдунской культурной традицией в целом — достаточно вспомнить его сказовые произведения), либо из корреспонденции, присылаемой любителями мистики из других городов и провинций. Писатель сам говорит об этом в «Предисловии» [9, т. 1, с. 2], и последующие работы, посвященные творчеству Пу Сунлина, неизменно к этой мысли возвращаются. Собственно, другого способа приобщиться к живой фольклорной традиции различных провинций Китая (а в «Странных историях» задействованы и многие южные верования и легенды, в частности чжэцзянские, хубэйские, хунаньские) у писателя просто и не было бы: Шаньдун он покидает только однажды — в 1670 г., отбыв на некоторое время в Цзянсу (уезд Баоин, 寶應縣) в качестве личного секретаря близкого друга, цзиньши Сунь Хуя (孫蕙 1631?–?) [7, т. 3, 3372]. Это было первое и единственное дальнее путешествие, к тому же весьма недолгое. Больше родной провинции он никогда не покидал, зато время от времени устраивал поездки по Шаньдуну, навещая друзей и родственников, а в 1672 г. вместе с приятелями даже отправился к морю, к горам Лаошань (嶗山), где тоже собирал местные истории о морских чудесах [9, т. 1, с. 354]. Все это как

раз подтверждает мысль о спонтанности в выборе тем для рассказов, в некоторой живой импульсивности, заражающей читателя силой авторского интереса.

Другой же причиной огромной популярности «Ляо Чжая» неизменно называют великолепный язык новелл и безукоризненно рафинированный, утонченный стиль повествования. С этим нельзя не согласиться, поскольку, независимо от темы рассказа, все «Странные истории» написаны удивительным по красоте *вэньянем* с бесконечным количеством скрытых отсылок, таящихся в непрямых цитатах, аллюзиях, намеках и создающих множество смысловых слоев произведения, что так высоко ценилось учеными любителями словесности, воспитанными в рамках традиционного конфуцианского образования. Но это вряд ли было бы достаточным условием для столь единодушного признания «Ляо Чжая», если бы изысканный *вэньянь* Пу Сунлина не был использован в высшей степени мастерски в самых сложных и необычных контекстах. Писатель совершает, казалось бы, невозможное, передавая высоким классическим языком особенности просторечных говоров, да еще сохраняя при этом речевую индивидуальность персонажа. То есть письменный язык, в котором роль созвучий европейского стиха играли графические сочетания близко расположенных иероглифов (см. подробнее, например, [14, с. 224–229]), не просто становится звучащим, но и наделяется разговорной характерностью. Например, в новелле «Ван шестой молодец» (王六郎), когда главный герой, рыбак Сюй, приезжает в далекий уезд, чтобы навестить друга-призрака, ставшего там богом-покровителем местности, он общается с местными обитателями, речь которых передается совсем по-другому по сравнению с диалогами в родной деревне Сюя. На вопрос, где здесь расположена кумирня, хозяин постоялого двора не отвечает, а сам спрашивает: «得無客姓為許? (*Déwú kè xìng wèi xǔ?* А не случиться ли тому, что Вам прозванье будет Сюй?)» На утвердительный ответ хозяин реагирует новым вопросом «得勿客邑為淄? (*Déwú kè yì wéi zī?* А не случиться ли тому, что и уезд Ваш будет Цзы?)» И первая, и вторая реплика ритмизованна, и ритм здесь близок к фольклорной сказовой традиции. Особенно очевидной эта особенность становится, когда местные обитатели сообщают о причине своей осведомленности: «數夜前夢神言：淄川許友當即來，可助一資斧。祗候已久 (*Shǔ yè qián mèng shén yán: zīchuān xǔ yǒu dāng jí lái, kě zhù yī zīfǔ. Zhīhòu yǐjiǔ*. Не один уж день миновал, как дух нам во сне сказал: «Друг Сюй из Цзычуаня скоро придет. Можно пособить его траты в пути покрыть; весьма длительно ожидаю почтительно»)» («Ляо Чжай чжи и» (聊齋誌異, «Странные истории из Кабинета Неудачника»), *цзюань* 1) [12, т. 1, с. 28]. По ритмическому рисунку это очень близко к простонародным формам исполнительства, таким как присловья торговых зазывал (吆喝聲), прибаутки в сопровождении деревянных кастаньет (快板兒) и т. п. Но звукопись языка «Ляо Чжая» отнюдь не сводится к подражанию просторечиям средствами утонченного вэньяня. В тексте новелл могут встречаться стихотворные вставки; зачастую красота диалога может передаваться изысканной ритмизованной прозой (как это происходит, например, в новелле «Не Сяо-цянь»), тоже «звучащей», мелодически выстроенной. Например, диалог между Нин Цайчэнем и Не Сяоцянь выдержан

в четырехсловных изящных пассажах, не только изобилующих скрытыми цитатами и намеками, но мелодически завершенных и ритмически безукоризненных: «“月夜不寐，願修燕好。”甯正容曰：“卿防物議，我畏人言；略一失足，廉恥道喪。”女雲：“夜無知者。”» (*“Yuèyè bù mèi, yuàn xiū yànhǎo.” Níng zhèng róng yuē: “Qīng fáng wùyì, wǒ wèi rényán; lüè yī shīzú, liánchǐ dào sāng.” Nǚ yún: “Yè wú zhī zhě”*. «В лунную ночь все никак не засну, хотела б спроворить согласье да лад[6]». Нин с праведным видом и говорит: «Вы берегитесь людских пересудов — я опасаюсь, что скажет молва. Чуть лишь оступишься только разок — честность и стыд похоронишь тотчас». Девушка возразила: «Ночью никто не прознает о том») («Ляо Чжай чжи и» (聊齋誌異, «Странные истории из Кабинета Неудачника»), *цзюань* 2) [12, т. 1, с. 161–162].

Таким образом, и живость авторского сопереживания описываемому, и утонченность стиля, и, зачастую, новизна многих историй, взятых Пу Сунлином непосредственно из устной традиции или из собственных наблюдений, делают собрание востребованным и любимым в среде интеллектуалов Старого Китая, но вместе с тем и создают огромные сложности для переложения этих текстов на иностранные языки, особенно для культур, далеких от дальневосточного ареала. Любимые многими поколениями истории об удивительном переводились на европейские языки (например, в 1880 г. в Лондоне был опубликован перевод Г. А. Джайлза (1845–1935) на английский язык, называвшийся «Strange Stories from a Chinese Studio» [15]; в этом же году во Франции выходит перевод новеллы «Как он садил грушу» (種梨), выполненный Камилом Имбо-Юаром (1857–1897) [16]. В дальнейшем количество переложений на европейские языки было значительным, только на английский язык свод переводился семь раз в разные годы и разными синологами; в начале XX в. это был, например, Жорж Сулье де Моран (1878–1955) [6]. На французский язык в начале XX в. «Странные истории» переводили Чэнь Цзитун (陳季同, 1851–1907) [17] и Луи Лалуа (1874–1944) [18]). Качество переводов было неоднородным, и близость к оригиналу тоже весьма отличалась от издания к изданию. Так, в переводе Г. А. Джайлза на титуле вообще не упоминался Пу Сунлин. Первое упоминание этого имени можно встретить только на 16 странице «Предисловия» [15, с. XVI], и сведения о писателе занимают меньше страницы, а сами «Странные истории» уподобляются «Тысяче и одной ночи» по своей популярности [Там же], и, нужно полагать, по отношению переводчика к тексту, поскольку перевод здесь представляет собой до предела сокращенный пересказ, из которого не только исключено подавляющее большинство новелл (переведено порядка 165 из почти 500), но и сами новеллы изложены более чем фрагментарно с огромным числом неточностей. В поздних переводах других китаеведов (прежде всего, во второй половине XX в.) эти недостатки, безусловно, устранены.

[6] Согласье да лад — устойчивая формула для описания идеальных супружеских отношений.

На русский язык «Ляо Чжая» стали переводить тоже примерно в те же годы. Первым, очевидно, нужно считать перевод Н. Н. Монастырёва (1851–1881), исследователя конфуцианских текстов, впервые изложившего «Чунь-цю» (春秋) на русском языке. Его перевод был опубликован в 1878 г. под названием «Ядовитая трава» в «Новостях» [19]. Никакого заметного отклика на эту публикацию обнаружить не удалось. В 1883 и 1886 гг. выходят подстрочные переводы нескольких новелл, выполненные академиком В. П. Васильевым (1818–1900), включенные в его «Примечания к первому выпуску китайской хрестоматии» [20; 21]. В свет вышло пять переводов (подробнее см. [22, с. 1944]). Они тоже не становятся заметным фактом культурной жизни, поскольку, во-первых, были опубликованы в специальном учебном издании, а во-вторых, преследовали именно образовательные, а не художественные цели.

В «Литературных вечерах Нового мира» в 1900 г. появляется фрагмент «Ляо Чжая», переведенный неким Лю Ши-чженом[7] (так в тексте) [24], а в 1909 г. делается перепечатка из Трудов Троицко-Савско-Кяхтинского отделения Русского географического общества с отрывками из сборника «Ляо Джай-Джи-И», выполненных крупным русским синологом и тангутоведом А. И. Ивановым (1878–1937) [25]. И снова реакция читательских масс нигде не отражена, что может означать лишь безразличие общественного мнения к этим изданиям, а скорее — просто незнакомство с ними.

В дальнейшем опыт перевода «Ляо Чжая» был у прекрасных русских синологов И. Г. Баранова (1886–1972), Ф. Ф. Даниленко (1875–1955) и П. В. Шкуркина (1868–1943), трудившихся в системе Китайско-Восточной железной дороги и публиковавших свои труды в Харбине. В журнале «Вестник Азии» под номерами 34 [26], 48 [27] и 49 [28] вышло несколько их переводов Пу Сунлина, также оставшихся неизвестными и недоступными широкой общественности по причине отсутствия сведений об этом издании у неспециалистов[8].

Совершенно новая страница в истории русских переводов Пу Сунлина наступает в 1920-х гг., когда академик В. М. Алексеев обращается к творчеству писателя. Его интерес к рассказам Пу Сунлина, возникший еще во время путешествий в Китай в 1907–1909 и 1912 гг., вылился наконец в работу по переложению «Ляо Чжая» на русский язык. Работа шла небыстро, и в результате появились четыре издания: сборник «Лисьи чары» 1922 г. [29], «Монахи-волшебники» 1923 г. [30], «Странные истории» 1928 г. [31] и «Рассказы о людях необычайных» 1937 г.

[7] Возможно, выпускник Тяньцзиньского училища русского языка, воспитанник Н. В. Любомудрова, заканчивавший училище в этом году и проявлявший незаурядные способности в освоении русского языка и неподдельный интерес к русской истории [см. 23, с. 53].

[8] Это «Вызов пляской духа. Сверчок. Проснувшийся дракон. Явления дракона. Придворный врач. Проделка лисицы. Коралл. Почтительный сын. Пер. И. Баранова» [26, с. 30, 31, 36, 39, 51, 53, 60, 67]; «Тигр в городе Чжао-Чан. Из китайского сборника Ляо-чжай-чжи-и. Пер. Ф. Ф. Д[анилен]ко» [27, с. 68, 69] и «Тонкая ива. Китайская повесть (Тема из Ляо Чжая). Пер. П. В. Шкуркина» [28, с. 197–234].

[32]. В составлении сборников первоначальная структура китайского оригинала в расчет не принималась, из всех *цзюаней* были выбраны новеллы, подходившие под замысел составителя по тем или иным параметрам (например, истории, связанные с лисами-оборотнями, для тома «Лисьи чары»), и композиционно объединены внутри тома. Также было переведено на русский язык и «Предисловие» Пу Сунлина 1679 г. Несмотря на то что временная разница между первым и последним сборником составила 15 лет, успех «Странных историй» был столь велик, что впоследствии эти тексты переиздавались на русском языке множество раз в самых разных сочетаниях и самых разных издательствах, и переиздаются до сегодняшнего времени. Самыми полными из этих переизданий можно считать «Рассказы Ляо Чжая о необычайном» 1988 г. [4] и особенно «Странные истории из Кабинета Неудачника» 2000 г. [33]; более поздние сборники текстуально обращались уже именно к ним. Здесь нужно также отметить, что пробу сил в изучении Ляо Чжая предпринял в эту же пору и ученик В. М. Алексеева, Б. А. Васильев (1899–1937), в тексте своей статьи о древних источниках новелл Пу Сунлина опубликовавший в 1931 году перевод четырех рассказов, которые он считал прообразами четырех новелл из «Странных историй» [34], но ни сами переводы, ни статья научной общественностью или вниманием рядовых читателей особенно отмечены не были. Равным образом не был замечен и вышедший в 1936 г. в «Литературном Узбекистане» перевод одной из новелл Ляо Чжая, выполненный Б. А. Пестовским (1889–?), востоковедом широких познаний, писавшим и о Китае, и о культуре Средней Азии [35].

Из 498 новелл «Ляо Чжая» В. М. Алексеев перевел лишь чуть меньше трети — 156 (хотя еще три были, вроде бы, зафиксированы в виде «записи устных рассказов» — «Тигр в городе Чжао-Чан», «Дикий лебедь» и «Слон» — и напечатаны в сборнике [36], но по целому ряду причин относить их к авторским переводам «Странных историй», выполненных В. М. Алексеевым, представляется некорректным) плюс «Предисловие». Из примерно 500 тыс. иероглифов, составляющих собрание, переведено 200 тыс., то есть немногим больше трети. То есть в целом В. М. Алексеев перевел примерно треть «Ляо Чжая». При этом некоторые новеллы («Вынесение приговора» (折獄), «Губернатор Юй» (於中丞)) разделены на две части, опубликованные по отдельности. Новелла «Обман» (局詐) разделена на три части, опубликованные как три самостоятельных рассказа в разных сборниках. Многие новеллы опубликованы без послесловий, перевод которых В. М. Алексеев объявлял невозможным и на русский язык непередаваемым. И все равно успех «Странных историй» на русском оказался огромным.

О причинах невероятной популярности переводов В. М. Алексеева сказано довольно много и полно. Например, этому вопросу посвящено объемное и фундаментальное изыскание Б. Л. Рифтина (1932–2012) [2], где разбираются особенности работы с текстом и творческие приемы, продемонстрированные в переложениях «Странных историй». Думается, что важнейшим привнесением В. М. Алексеева был именно уникальный стиль повествования, чрезвычайно близкий по духу оригиналу Пу Сунлина: несколько архаичный, изысканный и

в то же время гибкий, яркий, оживляемый то просторечными вкраплениями, то изощренностью древних цитат. Стиль этот и явился той идеальной формой, в которой истории Ляо Чжая вдруг стали не просто интересны русскому читателю, но полюбились настолько, что перепечатки алексеевских переводов до сих пор не задерживаются долго на полках книжных лавок.

После смерти В. М. Алексеева имелись еще опыты знакомства русских читателей с новеллами Пу Сунлина. Это издание 1961 г., где переводы были сделаны А. А. Файнгаром и П. М. Устиным [37], отдельное издание 1981 г. с переводами П. М. Устина [38] и единственный перевод, выполненный О. Л. Фишман и изданный в 1984 г. [39]. Однако ни одна из этих публикаций не была принята с тем же энтузиазмом, что переложения В. М. Алексеева, и ни одна даже в малейшей степени не смогла сравниться с ними по популярности и востребованности[9]. Опять же, стоит полагать, что среди основных причин этого был тот самый алексеевский стиль изложения, который феноменально удачно лег на литературную основу «Ляо Чжая», в полной мере отвечая ожиданиям русского читателя, и от которого, например, в изданиях 1961 и 1981 гг. переводчики максимально дистанцировались (подробнее об этих изданиях см. [22, с. 1948–1949]).

Так или иначе, но влияние алексеевского стиля, найденного и мастерски примененного в переводах «Странных историй», можно однозначно ощутить в ряде русских литературных произведений конца XX в. — не только литераторов-востоковедов (таких, например, как И. А. Алимов и В. М. Рыбаков, выпустивших под псевдонимом «Хольм ван Зайчик» цикл романов «Евразийская симфония. Плохих людей нет»), но и писателей, весьма далеких от синологии, например М. Г. Успенского (1950–2014). Если в «Евразийской симфонии», кроме других совершенно явных следов влияния переводов В. М. Алексеева, имеется целый том «Дело лис-оборотней» [40], написанный и в духе, и с аллюзиями на алексеевского «Ляо Чжая», то у М. Г. Успенского в цикле романов о Жихаре [41], [42], [43] один из главных персонажей — странствующий монах Лю Седьмой, персонаж совершенно ляочжаевский; к тому же в самом тексте часто встречаются парафразы «Странных историй», излагаемые именно в стиле переводов В. М. Алексеева. Нельзя не упомянуть здесь и еще одну заметную отсылку к рассматриваемым переводам — роман В. О. Пелевина «Священная книга оборотня», также повествующий о баснословных лисах, принимающих человеческий облик и соблазняющих людей, весьма явно свидетельствующий о хорошем знакомстве с алексеевскими переложениями Пу Сунлина [44] (подробнее о влиянии переводов Ляо Чжая на современную русскую литературу см., например, [22; 45]).

Подводя итог вышесказанному, можно вполне уверенно утверждать следующее.

[9] При этом нужно заметить, что число переведенных текстов было значительным, и они не повторяли новелл в переложении В. М. Алексеева. П. М. Устин перевел в общей сложности 65 рассказов, А. А. Файнгар — 10.

1. Литературное наследие Пу Сунлина было весьма богато и разнообразно. «Странные истории из Кабинета Неудачника» являются наиболее известной его частью, но далеко не исчерпывающей разнообразие, глубину и мастерство автора.
2. Само собрание «Странных историй» тематически неоднородно и не может быть приведено к единому критерию ни по идейному, ни по временному, ни по какому-то другому формальному признаку. Оно создавалось спонтанно на протяжении всей жизни писателя и отражало те события и мысли, которые находили в писателе живой отклик.
3. Структура сборника неоднократно изменялась, а прижизненных вариантов окончательной компоновки не существует.
4. Кроме живости авторского отклика на описываемые сюжеты, «Странные истории» привлекали читателей высочайшим мастерством слова, которое проявляется в различных формах и жанрах, гармонично вплетаемых в единую художественную ткань собрания.
5. Изысканность стиля, невероятное мастерство слога, обильное прямое и скрытое цитирование классиков — все это делает «Ляо Чжая» любимым чтением многих поколений ценителей литературы в Китае и одновременно представляет колоссальные трудности для переложения этих текстов на иностранные языки.
6. Первые переводы «Ляо Чжая» на европейские языки начали осуществляться в 80-х гг. XIX в., но лучшие переводы появляются гораздо позднее.
7. Из переводов на русский язык наиболее полным, удачным и востребованным, безусловно, является перевод В. М. Алексеева, сумевшего найти важнейший ключ к успешному переложению этих текстов — уникальный художественный стиль изложения. Этот стиль породил подражания в русской художественной словесности и таким образом заметно повлиял на ряд произведений русских литераторов второй половины XX в.

Литература

1. 蒲松齡。聊齋志異圖詠. [*Пу Сунлин*. Ляо Чжай чжи и ту юн (Иллюстрированное издание Странных историй из Кабинета Неудачника)]. Цзинань: Шаньдун хуабао чубаньшэ, 2002. Т. 1–2. 1177 с. с илл. (На кит. яз.)
2. *Рифтин Б. Л.* Новеллы Пу Сунлина (Ляо Чжая) в переводах В. М. Алексеева // Восточная классика в русских переводах: обзоры, анализ, критика / ред. Б. Л. Рифтина. М.: Восточная литература, 2008. С. 113–203.
3. 聊齋志異資料彙編 / 朱一玄編。 [Ляо Чжай чжи и цзыляо хуйбянь / Чжу И-сюань бянь (Сборник материалов по Ляо Чжаю / под редакцией Чжу И-сюаня)]. Чжэнчжоу: Чжунчжоу гуцзи чубаньшэ, 1985. 728 с. (На кит. яз.)
4. *Пу Сунлин*. Рассказы Ляо Чжая о необычайном. / Библиотека китайской литературы. Пер. с кит. В. Алексеева; редкол.: Г. Гоц, Л. Делюсин, Д. Мамлеев и др.; предисл.

и коммент. В. Алексеева; сост. М. Баньковской. М.: Художественная литература, 1988. 559 с.
5. 方銘。中國文學史. [*Фан Мин*. Чжунго вэньсюэ ши (История китайской литературы)]. Чанчунь: Чанчунь чубаньшэ, 2013. Т. 1–4. 1490 с. (На кит. яз.)
6. Strange Stories from the Lodge of Leisures / translated from the Chinese by George Soulié [de Morant]. Boston and New York: Houghton Mifflin Company, 1913. XIV + 166 p.
7. 蒲松齡全集 / 盛偉編. [Пу Сунлин цюань цзи (Полное собрание сочинений Пу Сунлина)] / под редакцией Шэн Вэя. Шанхай: Сюэлинь чубаньшэ, 1998. Т. 1–3. 3470 с. (На кит. яз.)
8. 路大荒。蒲松齡年譜. [*Лу Дахуан*. Пу Сунлин няньпу (Погодичная хроника жизни Пу Сунлина)]. Цзинань: Цзилу шушэ, 1980. 189 с. (На кит. яз.)
9. 蒲松齡。聊齋志異 / 于天池注；孫通海，于天池等譯. [*Пу Сунлин*. Ляо Чжай чжи и / Юй Тяньчи чжу; Сунь Тунхай, Юй Тяньчи дэн и (Странные истории из Кабинета Неудачника / комментарии Юй Тяньчи, перевод Сунь Тунхая и Юй Тяньчи)]. Пекин: Чжунхуа шуцзюй, 2015. Т. 1–4. 5414 с. (На кит. яз.)
10. 劉大傑。中國文學發展史. [*Лю Дацзе*. Чжунго вэньсюэ фачжань ши (История развития китайской литературы)]. Шанхай: Фудань дасюэ чубаньшэ, 2006. Т. 1–3, 898 с. (На кит. яз.)
11. 劉大傑. 中國文學發展史 / 責任編輯董令生. [*Лю Дацзе*. Чжунго вэньсюэ фачжань ши / Цзэжэнь бяньцзи Дун Линшэн (История развития китайской литературы / отв. ред. Дун Линшэн)]. Тяньцзинь: Байхуа вэньи чубаньшэ, 2007. Т. 1–2. 631 с. (На кит. яз.)
12. 蒲松齡。聊齋誌異。會校會注會評本 / 張友鶴輯校. [*Пу Сунлин*. Ляо Чжай чжи и. Хуй цзяо хуй чжу хуй пин бэнь / Чжан Юхэ цзицзяо («Странные истории из Кабинета Неудачника» с собранными аннотациями, комментариями и ремарками / составление и сверка Чжан Юхэ)]. Шанхай: Гуцзи чубаньшэ, 2011. Т. 1–4. 1740 с. (На кит. яз.)
13. 蒲松齡。聊齋誌異。全校會注集評修訂本 / 任篤行輯校. [*Пу Сунлин*. Ляо Чжай чжи и. Цюань цзяо хуй чжу цзи пин сюдин бэнь / Жэнь Дусин цзицзяо («Странные истории из Кабинета Неудачника». Исправленное издание с полными аннотациями, собранными комментариями и сведенными ремарками / составление и сверка Жэнь Дусина)]. Пекин: Жэньминь вэньсюэ чубаньшэ, 2016. Т. 1–4. 2460 с. (На кит. яз.)
14. *Сторожук А. Г.* Три учения и культура Китая: конфуцианство, буддизм и даосизм в художественном творчестве эпохи Тан. СПб.: Типография «Береста», 2010. 552 с.
15. Strange Stories From a Chinese studio / translated and annotated by Herbert A. Giles. London: Thos. De La Rue, 1880. Vol. 1–2. XXXII + 836 p.
16. Poirier planté / traduit par Camille Imbault-Huart // Journal Asiatique. 1880, Août-Septembre. No. 117. P. 281–284.
17. *Tcheng-Ki-Tong*. Contes chinois (traduits et adaptés du Liaozhai zhiyi). Paris: Calmann Lévy, 1889. 340 p.
18. Contes magiques, d'après l'ancien texte chinois de P'ou Song-Lin (l'Immortel en exil) / traduit par Louis Laloy. Paris: L'édition d'art, H. Piazza, 1925. 216 p.
19. Ядовитая трава. Повесть / пер. Монастырёва // Новости. 1878. № 195, с. 5.
20. *Васильев В. П.* Примечания к первому выпуску китайской хрестоматии / [Соч.] профессора В. Васильева (третье издание). СПб.: Печатня А. Григорьева, 1883. 143 с.
21. *Васильев В. П.* Примечания к первому выпуску китайской хрестоматии / [Соч.] профессора В. Васильева (третье издание). СПб.: Типография В. Безобразова и Комп., 1896. 143 с.
22. 索嘉威。聊齋志異在俄羅斯 [*Со Цзявэй*. Ляо Чжай чжи и цзай Элосы (*Сторожук А. Г.* «Ляо Чжай чжи и в России)] // Журнал Сибирского федерального университета. Красноярск, 2019. № 12 (10). С. 1943–1953. (На кит. яз.)

23. У стен недвижного Китая. Дневник корреспондента «Нового Края» на театре военных действий в Китае в 1900 году Дмитрия Янчевецкого. СПб. — Порт-Артур: Издание книжного склада «Новый Край» П. А. Артемьева, 1903. — XII. 618 с.
24. Из книги Ляо Чжай / пер. Лю Ши-Чжен. Под ред. А. Смирнова // Литературные вечера Нового мира. 1900. № 9. С. 603–606.
25. Повести из сборника «Ляо Джай-Джи-И» / пер. А. И. Иванова. СПб.: «Сенатская типография», 1909. С. 48–66. (Отд. отт. из Трудов Троицко-Савско-Кяхтинск. отдел. Русского географического общества, 1907, X, 1–2, с. 48–66.)
26. Вестник Азии (亞細亞時報). Кн. 2. № 34. Харбин: Типография Китайской Восточной железной дороги, 1915. 269 с.
27. Вестник Азии (亞細亞時報). Вып. 1. № 48. Харбин: Типография Китайской Восточной железной дороги, 1922. 184 с.
28. Вестник Азии (亞細亞時報). Вып. 2. № 49. Харбин: Типо-литография Т-ва «ОЗО», 1922. 275 с.
29. Ляо Чжай. Том первый. Лисьи чары. Из сборника странных рассказов Пу Сунлина (Ляо Чжай чжи и) / Всемирная литература. Перевод и предисловие В. М. Алексеева. СПб.: Государственное издательство, 1922. 159 с.
30. Ляо Чжай. Монахи-волшебники. Из сборника странных рассказов Пу Сунлина (Ляо Чжай чжи и) / Всемирная литература. Перевод и предисловие В. М. Алексеева. М.-Пг.: Государственное издательство, 1923. 278 с.
31. Ляо Чжай. Странные истории / пер. с кит., примеч. и предисл. В. М. Алексеева. Л.: Мысль, 1928. 272 с.
32. Ляо Чжай. Рассказы о людях необычайных (из серии новелл Ляо Чжай чжи и) / пер. с кит. В. М. Алексеева. М.: Изд-во АН СССР, 1937. 494 с.
33. *Пу Сунлин*. Странные истории из Кабинета Неудачника (Ляо Чжай чжи и) / пер. с кит., предисл., ст., коммент. акад. В. М. Алексеева. Сост., подгот. текста, послесл. М. В. Баньковской. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2000. 784 с.
34. *Васильев Б. А.* Древние источники Ляо Чжая // Известия Академии Наук, сер. VII, Отд. обществ. наук, 1931, № 1. С. 23–52.
35. Морской мираж на острове Цейлон. Из сборника Ляо Чжай. Рассказ / пер. Б. Пестовского // Литературный Узбекистан. 1936. № 3. С. 105–112.
36. *Пу Сунлин*. Лисьи чары. Монахи-волшебники / пер. с кит. В. М. Алексеева. М.: Восточная литература, 2008. 320 с.
37. *Пу Сунлин*. Новеллы / пер. с кит. П. Устин, А. Файнгар, под ред. Л. Д. Позднеевой. М.: Художественная литература, 1961. 384 с.
38. *Устин П. М.* Пу Сунлин и его новеллы. М.: Изд-во МГУ, 1981. 262 с.
39. *Пу Сунлин*. Помешался на книгах. Рассказ. Пер. с кит. О. Л. Фишман // Зеркало мира: писатели стран зарубежного Востока о книге, чтении, библиофильстве. Сост. В. Эльвова. М.: Книга, 1984. С. 33–36.
40. *Зайчик Х. ван*. Дело лис-оборотней / Плохих людей нет. Евразийская симфония. СПб.: Азбука, 2001. 352 с.
41. *Успенский М.* Время оно. СПб.: Терра — Азбука, 1998. 416 с.
42. *Успенский М.* Там, где нас нет. СПб.: Азбука, 1998. 384 с.
43. *Успенский М.* Кого за смертью посылать. СПб.: Азбука, 1998. 348 с.
44. *Пелевин В.* Священная книга оборотня. М.: Эксмо, 2004. 384 с.
45. 索嘉威。唐代與清朝的小說俄譯：歷史及影響 // 中國俄語教學. [*Со Цзявэй*. Тандай юй Цинчао дэ сяошо эи: лиши цзи инсян // Чжунго эюй цзяосюэ (*Сторожук А. Г.* Перевод

на русский язык танских и цинских новелл: история и роль в культуре // Русский язык в Китае)]. Пекин, 2020. № 2. (Т. 39). С. 54–61. (На кит. яз.)

References

1. Pu Songling. *Liao Zhai zhi yi tu yong (Illustrated edition of strange tales from a Chinese studio*). Jinan, Shandong huabao chubanshe, 2002. Vol. 1–2. 1177 p. with illustrations. (In Chinese)
2. Riftin B. L. Pu Songling's Stories (Liao Zhai) in V. M. Alexeyev's translations. *Oriental classics in Russian translations: reviews, analysis, critics* / ed. by B. L. Riftin. Moscow, Vostochnaia literatura Publ., 2008. P. 113–203. (In Russian)
3. *Liao Zhai zhi yi ziliao huibian (Collection of materials concerning Liao Zhai)* / Zhu Yixuan bian (ed. by Zhu Yixuan. Zhengzhou, Zhongzhou guji chubanshe, 1985. 728 p. (In Chinese)
4. Pu Songling. *Strange Tales from a Chinese Studio* / Chinese Literature book collection. Translated from Chinese by V. Alexeyev; Editorial board: G. Goz, L. Delusin, D. Mamleyev and others; Foreword and notes by V. Alexeyev; Compiled by M. Bankovskaia. Moscow, Khudozhestvennaia literatura Publ., 1988. 559 p. (In Russian)
5. Fang Ming. *Zhongguo wenxue shi (History of the Chinese literature*). Changchun, Changchun chubanshe, 2013. Vol. 1–4. 1490 p. (In Chinese)
6. *Strange stories from the lodge of leisures* / transl. from the Chinese by George Soulié [de Morant]. Boston and New York, Houghton Mifflin Company, 1913. XIV + 166 p. (In English)
7. *Pu Songling quan ji (Complete works by Pu Songling)* / Sheng Wei bian (ed. by Sheng Wei. 蒲松齡全集。盛偉編. Shanghai, Xuelin chubanshe, 1998. Vol. 1–3. 3470 p. (In Chinese)
8. Lu Dahuang. *Pu Songling nianpu (Chronology of Pu Songling's Live*. Jinan, Jilu shushe, 1980. 189 p. (In Chinese)
9. Pu Songling. *Liao Zhai zhi yi (Strange tales form a Chinese studio* / Yu Tianchi zhu; Sun Tonghai, Yu Tianchi deng yi (comments by Yu Tianchi, translated by Sun Tonghai and Yu Tianchi. Beijing, Zhonghua shuju, 2015. Vol. 1–4. 5414 p. (In Chinese)
10. Liu Dajie. *Zhongguo wenxue fazhan shi (History of Chinese literary development*). Shanghai, Fudan daxue chubanshe, 2006. Vol. 1–3. 898 p. (In Chinese)
11. Liu Dajie. *Zhongguo wenxue fazhan shi (History of Chinese literary development)* / Zeren bianji Dong Lingsheng (ed. by Dong Lingsheng). Tianjin, Baihua wenyi chubanshe, 2007. Vol. 1–2. 631 p. (In Chinese)
12. Pu Songling. *Liao Zhai zhi yi. Huijiao huizhu huiping ben («"Strange tales from a Chinese studio" with collected annotations, comments and notes*) / Zhang Youhe jijiao (compiled and revised by Zhang Youhe). Shanghai, Guji chubanshe, 2011. Vol. 1–4. 1740 p. (In Chinese)
13. Pu Songling. *Liao Zhai zhi yi. Quan jiao huizhu ji ping xiuding ben ("Strange tales from a Chinese studio". Revised edition with complete annotations, collected comments and accumulated notes*) / Ren Duxing jijiao (compiled and edited by Ren Duxing). Beijing, Renmin wenxue chubanshe, 2016. Vol. 1–4. 2460 p. (In Chinese)
14. Storozhuk A. G. *Three Teachings and the Chinese Culture: Confucianism, Buddhism and Taoism in Tang artistic works*. St. Petersburg, Tipografiia "Beresta", 2010. 552 p. (In Russian)
15. *Strange Stories From a Chinese studio* / Translated and annotated by Herbert A. Giles. London, Thos. De La Rue, 1880. Vol. 1–2. XXXII + 836 p. (In English)
16. Poirier planté / traduit par Camille Imbault-Huart. *Journal Asiatique*. 1880. Août-Septembre. No. 117. P. 281–284. (In French)
17. Tcheng-Ki-Tong. *Contes chinois (traduits et adaptés du Liaozhai zhiyi)*. Paris, Calmann Lévy, 1889. 340 p. (In French)

18. *Contes magiques, d'après l'ancien texte chinois de P'ou Song-Lin (l'Immortel en exil)* / traduit par Louis Laloy. Paris, L'édition d'art, H. Piazza, 1925. 216 p. (In French)
19. Poisonous herb. Story / translated by Monastyrev. *Novosty*. 1878. No. 195. P. 5. (In Russian)
20. Vasilyev V. P. *Notes to the 1st Issue of the Chinese Reader* / [By] prof. V. Vasilyev (3rd ed.). St. Petersburg, Pechatnya A. Grigoryeva, 1883. 143 p. (In Russian)
21. Vasilyev V. P. *Notes to the 1st Issue of the Chinese Reader* / [By] prof. V. Vasilyev (3rd ed.). St. Petersburg, Pechatnya A. Grigoryeva, 1896. 143 p. (In Russian)
22. Suo Jiawei. Liao Zhai zhi yi zai Eluosi (A. G. Storozhuk. "Liao Zhai zhi yi" in Russia). *Journal of Siberian Federal University*. Krasnoyarsk, 2019. No. 12 (10). P. 1943–1953. (In Chinese)
23. *By Walls of Motionless China. Dairy of Dmirty Yanchevsky*. St. Petersburg; Port Arthur, Novy Kray, 1903. — XII. 618 p. (In Russian)
24. From Liao Zhai book / transl. by Liu Shizhen, ed. by A. Smirnov. *Noviy Mir's Literary Parties*. 1900. No. 9. P. 603–606. (In Russian)
25. *Tales fron the "Liao Zhai-zhi-yi" collection* / transl. by A. I. Ivanov. St. Petersburg, Senatskaia tipografiia, 1909. P. 48–66. (Special print from the Works of Troyitsko-Savsko-Kachtinsky department of the Russian Geographic Society, 1907, X, 1–2, p. 48–66.) (In Russian)
26. *Asia Herald* (亞細亞時報). Iss. 2. No. 34. Harbin, Typographia Kitaiskoy Vostochnoy zheleznoy dorogi, 1915. 269 p. (In Russian)
27. *Asia Herald* (亞細亞時報). Iss. 1. No. 48. Harbin, Typographia Kitaiskoy Vostochnoy zheleznoy dorogi, 1922. 184 p. (In Russian)
28. *Asia Herald* (亞細亞時報). Iss. 2. No. 49. Harbin, Typo-lithographia tovarischestva "OZO", 1922. 275 p. (In Russian)
29. *Liao Zhai. Volume 1. Fox's Spells. From the collection of Strange Tales by Pu Songling (Liao Zhai zhi yi)* / World Literature. Translation and foreword by V. M. Alexeyev. Petersburg, Gosudarsvennoye Izdatelstvo, 1922. 159 p. (In Russian)
30. *Liao Zhai. Magic Monks. From the collection of Strange Tales by Pu Songling (Liao Zhai zhi yi)* / World Literature. Translation and foreword by V. M. Alexeyev. Moscow — Petersburg, Gosudarsvennoye Izdatelstvo, 1923. 278 p. (In Russian)
31. *Liao Zhai. Strange Tales* / Translation from Chinese, notes and foreword by V. M. Alexeyev. Leningrad, Misl, 1928. 272 p. (In Russian)
32. *Liao Zhai. Tales about Extraordinary People (From Liao Zhai zhi yi series of short stories)* / Translated from Chinese by V. M. Alexeyev. Moscow, Izdateltvo AN SSSR, 1937. 494 p. (In Russian)
33. Pu Songling. *Strange Tales from the Loser's Studio (Liao Zhai zhi yi)* / Translated from Chinese, foreword and notes by academician V. M. Alexeyev. Compilation, text preparation and afterword by M. V. Bankovskaia. St. Petersburg, Peterburgskoye Vostokovedenie, 2000. 784 p. (In Russian)
34. Vasilyev B. A. Ancient Sources of Liao Zhai. *Academy of Sciences' Proceedings*, series VII, Social Science Department, 1931, No. 1. P. 23–52. (In Russian)
35. Sea mirage on Ceylon Island. From the Liao Zhai collection. A short story / translated by B. Pestovsky. *Literary Uzbekistan*. 1936. No. 3. P. 105–112. (In Russian)
36. Pu Songling. *Fox's Spells. Magic Monks* / translated from Chinese by V. M. Alexeyev. Moscow, Vostochnaia literatura Publ., 2008. 320 p. (In Russian)
37. Pu Songling. *Stories* / translated from Chinese by P. Ustin, A. Faingar, edited by L. D. Pozdneeva. Moscow, Khudozhestvennaia literatura Publ., 1961. 384 p. (In Russian)
38. Ustin P. M. *Pu Songling and his tales*. Moscow, Izdatelstvo MGU, 1981. 262 p. (In Russian)

39. Pu Songling. Got insane on books. Short story. Translated from Chinese by O. L. Fishman. *Mirror of the World: Writers of the foreign East about book, reading, bibliophilism*. Compiled by V. Elvova. Moscow, Kniga Publ., 1984. P. 33–36. (In Russian)
40. Zaichik H. van. *Case of Turnskin-foxes* / There are no bad people. Eurasian symphony. St. Petersburg, Azbuka Publ., 2001. 352 p. (In Russian)
41. Uspensky M. *Days of Yore*. St. Petersburg, Terra Publ.; Azbuka Publ., 1998. 416 p. (In Russian)
42. Uspensky M. *There Where Aren't Us*. St. Petersburg, Azbuka Publ., 1998. 384 p. (In Russian)
43. Uspensky M. *Whom To Send To Fetch Death*. St. Petersburg, Azbuka Publ., 1998. 348 p. (In Russian)
44. Pelevin V. *Sacred Book of a Turnskin*. Moscow, Eksmo Publ., 2004. 384 p. (In Russian)
45. Suo Jiawei. Tangdai yu Qingchao de xiaoshuo e yi: lishi ji yingxiang (A. G. Storozhuk Tang and Qing Short stories' translations into Russian: history and cultural impact). *Zhongguo Eyu Jiaoxue (The Russian Language in China)*. 索嘉威。唐代與清朝的小說俄譯：歷史及影響 // 中國俄語教學. Beijing, 2020, No. 2. (Vol. 39). P. 54–61 (In Chinese)